



А. Н. Островский

## Дорога к истокам Волги от Твери до Осташкова

При имени Александра Николаевича Островского мы в первую очередь вспоминаем его пьесы; между тем великий русский драматург был и историком, краеведом, этнографом, фольклористом, он собирал материалы для словаря русского народного языка. В 1856 году Островский по предложению Морского министерства отправился в путешествие по Волге от Твери до Нижнего Новгорода с целью изучения жизни и быта приволжских сел и городов. Путешествие это было прервано несчастным случаем: Островский силь-



но ушиб ногу. Во втором номере журнала «Морской сборник» за 1859 год опубликованы под общим названием «Путешествие по Волге от истоков до Нижнего Новгорода» четыре его очерка «Тверь», «Весенний караван» (о волжском судоходстве), «Село Городня» и «Дорога к истокам Волги от Твери до Осташкова». Последний редакция и предлагает вниманию читателей, надеясь, что он поможет полнее представить многогранные интересы и деятельность великого драматурга.

Май 1856 года.

Когда проселочные дороги достаточно обсохли и переезд через ручьи и овраги сделался возможным, я решил ехать в страну болот и озер, к истокам Волги. От Твери до истоков Волги можно проехать тремя путями: на Вышний Волочек, Торжок и на Ржев. Я избрал менее торную и, следовательно, более интересную дорогу на Торжок, а возвратиться предполагал на Ржев, чтобы уже, не разлучаясь с Волгой, проследить, по возможности, развитие этой могущественной реки со всей ее береговой обстановкой от самого зародыша вплоть до впадения в нее Оки. Дорога же на Вышний Волочек — до Волочка железная, а от Волочка почтовая — не представляет никакого интереса, кроме самого города, в котором можно побывать во всякое время благодаря чугунке.

От Твери до Торжка идет старое шоссе, которое до сих пор прекрасно сохранилось, но проезду очень мало, и мне попадались навстречу почти только одни коноводы, скачущие во всю мочь своих плохих лошадей из Волочка обратно. На половине дороги, на правом берегу Тверцы, лежит богатое село Медное, прежде бывший ям. В Медном пристань, на которой для отправки в Петербург, прежде грузилось до 50 судов, теперь менее. В особой слободе живут лоцмана и коноводы; впрочем, этим промыслом занимаются, начиная от Твери и до Торжка, крестьяне всех деревень и сел, лежащих по обоим берегам Тверцы<sup>1</sup>.

Я приехал в Медное 10 мая и застал там никольскую ярмарку. Посреди села стояло несколько небольших палаток: в одних пряники, а в других платки и ситцы, «к р а с н ы й т о в а р» в полном смысле слова, да ящичка два с медными сергами и разноцветными тесемками — вот и все<sup>2</sup>. Незначительность ярмарки, ве-

роятно, происходит от близости городов Твери и Торжка, где каждый крестьянин может купить во всякое время все, что ему нужно, были бы только деньги.

Торжок бесспорно один из красивейших городов Тверской губернии. Расположенный по крутым берегам Тверцы, он представляет много живописных видов. Замечательнее других — вид с левого берега, с бульвара, на противоположную сторону, на старый город, который возвышается кругом городской площади в виде амфитеатра. Хорош также вид с правой стороны, с старинного земляного вала; впрочем, лезть туда найдется немного охотников. Собственно старый город был на правом берегу — там и соборы, и гостиный двор, и площадь, а левый берег обстроился и украсился только благодаря петербургскому шоссе.

Торжок известен с начала XI столетия и тогда еще снабжал Новгород, в случае неурожая, хлебом, который доставлялся тем же водным путем, как и теперь, то есть Тверцюю и Мстою, между которыми был волок. Вот что находим мы в первой Новгородской летописи под 6790 (1282) годом...<sup>3</sup> «И прииде Семен Михайлович<sup>4</sup> в Торжок и седе в Торжку засадою, не дающе внити во Торжок наместникам Дмитриевым, а обилие попроводи все в Новгород в лодиях, а в Новгороде хлеб бьяше дорог». Торжок, как пограничный город Новгородской области, подвергался от соседей частым разорениям, а впоследствии, по присоединении к Москве, был разорен в Смутное время поляками. Между жителями Торжка, и особенно между раскольниками, ходит предание, что их город есть древний Коростень; но это очевидная выдумка, и весьма позднего происхождения, основанием для нее послужили голуби, помещенные в городском гербе. Голуби попали в герб совсем по другой причине: императрица Екатерина II, проезжая через Торжок, заметила в нем много голубей и велела поместить их в уездный герб. Такие легенды, основанные на гербах, существуют и в других городах, например в Ярославле про медведицу...

В Торжке я познакомился с тамошним старожилом, почтенным купцом Ефремом Матвеевичем Елизаровым, собирателем древних рукописей о Торжке. У него я видел между прочим: «Описание г. Торжку, учиненное по указу царя Михаила Федоровича в 1625 году». Привожу несколько интересных сведений из этого описания: «Монастыри деревняные: 1) Рождественский на посаде; 2) Василия Кеса-

<sup>1</sup> Деревни: Киселева, Глазкова, Новая, Городище, Рылово, Павловский перекат, Мельникова, Устье, село Пречистый Бор, дер. Чопорова, Шокотова, Глинки, Навогильцы, село Медное, дер. Мухина, Крупышево, Осилки, Буянцева, Горки, село Слас, дер. Бречково, Голенищево, село Сесеновское. (Здесь и далее примеч. А. Н. Островского.)

<sup>2</sup> В 1847 г. на ярмарке в с. Медном привозу было на 880 р. сер., сбыту на 740 р. сер. Описание Тверс. губ. в сельскохозяйственном отношении В. Преображенского. Спб., 1845, с. 535.

<sup>3</sup> Когда князь Андрей Александрович, выйдя из Новгорода, взял с собою старейших мужей новгородских.

<sup>4</sup> Один из новгородцев.



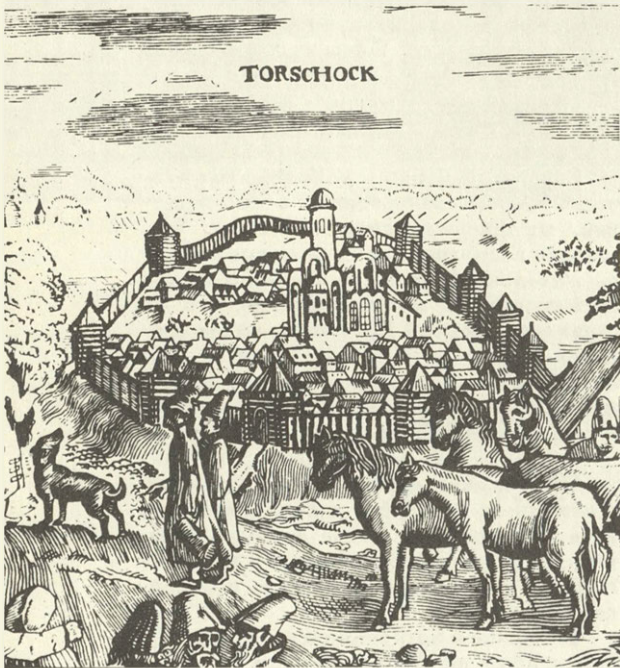
рийского; 3) Никитский; 4) Троицкий — в конце посада вверх по Тверце; 5) Пустынской; в нем: триодь постная, в десть, печать литовская, часовник в полдесть, печать литовская, устав и прочие книги письменные; 6) Девиный во имя Воскресенья господня; 7) Борисоглебский, евангелие литовской печати<sup>5</sup>. Церквей на посаде 20<sup>6</sup>. Название мест: «Вознесенский конец, Воскресенский, Благовещенский, Пятницкий, Богоявленский, Егорьевский, Знаменский, Успенский, Козмодемьянский, Климентовский, Мирносицкий, Ивановский, Ипатицкий, Ильинский, Воздвиженский, Цареконстантиновский, Дмитровский, Власьевский, Никольский». Ряды: «Сапожной, Серебряной, Калашной, Хлебной, Горшечной, Овощной, Молодежной<sup>7</sup>, Рыбной и Соляной, Мясной, Москотильной; всех лавочных мест восемьдесят и полшеста (85<sup>1/2</sup>), да пустых триста одно место с четвертью, да пустых четырнадцать мест, полковых, да пустых сто семь мест, абарных, да пустых восемьдесят пять мест, запустели до раззоренья<sup>8</sup>, а иные и в раззоренье, а кто

описании не годами, а эпохами, вероятно очень памятными для жителей, например: было в литовское раззоренье, в зяблый год<sup>9</sup>, в лихолетье<sup>10</sup>.

Из Торжка отправляется свой караван, которого я уже не застал. О числе отправляемых судов можно судить по количеству постройки. В 1855 году в Торжке выстроено было 6 барок указной меры, а в уезде 74, постройкою их занимались крестьяне государственных имуществ и помещицы, Новоторжского и частью Вышневолоцкого уездов. Новоторжский уезд составляет центр судопромышленности в губернии, кроме того что каждая деревня по Тверце доставляет коноводов и иногда лоцманов. Крестьяне Новоторжского уезда, преимущественно пред другими, занимаются судостроением не только дома, но и ходят для этой работы на верхневолжские, то есть ржевские и зубцовские пристани, от сего и самые барки называются новоторжскими. Груз, отправляемый из Торжка в Петербург, состоит большею частью из местных продуктов (например: овес, покупаемый в Новоторжском и смежных уездах) или по крайней мере из продуктов, обделываемых в Торжке, как то: кожи, пшеничная мука и преимущественно солод.

Половина солодовенных заводов Тверской губернии, по расчету г. Преображенского<sup>11</sup>, находится в Торжке, где, по сведениям 1845 г., показано 19 заводов, а по сведениям 1848 г. числится 25, на которых выделывают солоду на 120 тысяч рублей сер., значит, эта промышленность значительно усилилась. Другую важную отрасль промышленности Торжка составляет выделка кож. На 16 заводах выделывается: белая и черная юфть, полувап, опоек, красная юфть, козел и сафьян, всего приблизительно на 70 тысяч руб. сер. Торжок исстари славится производством козлов и сафьянов и в этом отношении уступает только Казани и Москве. Особенно известна в Торжке красная юфть купца Климушкина, при гостинице которого (бывшей купчихи Пожарской, но переведенной теперь по причине малого проезда в другой дом) есть небольшой магазинчик, где продаются торжковские сапоги и туфли. Работа вещей прочна и красива, но цена, по незначительности требования, невысока: я заплатил за две пары туфель, одни из разноцветного сафьяна, другие из бархата, шитые золотом, 3 руб. сер.

Прежде золотошвейное мастерство



TORSCHOCK

на тех местах поставитца и ему давать оброк потому ж по два алтына и по две деньги».

Из этого видно, что Торжок до разоренья (литовского) был городом богатым. Некоторые происшествия означаются в

<sup>5</sup> Теперь существуют только два последние монастыря.

<sup>6</sup> Теперь 27 каменных и 2 деревянных, из которых одна замечательна древностью и изяществом постройки.

<sup>7</sup> Вероятно, нынешний скобляной (молоточной).

<sup>8</sup> Теперь лавок: 181 каменных, 193 деревянных.

<sup>9</sup> Вероятно, 1602 г., при Борисе Годунове, когда «бысть мраз и хлеб побило, отчего бысть глад чреа три года и от того глада множество людей измроша, и ядаху тогда пшну и мертвечину и ино скарденое».

<sup>10</sup> Время самозванцев.

<sup>11</sup> Описание Тверской губернии в сельскохозяйственном отношении В. Преображенского. Спб., 1854.



процветало в Торжке; в 1848 году вышивкою туфель и сапогов занималось до 500 мастериц. Теперь эта промышленность совершенно упала, и только в нынешнем году, по случаю коронации, несколько рук успели найти себе работу за хорошую цену — до 15 руб. сер. в месяц. Новоторжские крестьянки, большею частью девки, славятся по всей губернии искусною выделкою подпятного кирпича; и золотошвейки, за неимением своей работы, принуждены были заняться тем

значительны расходы простого человека на говенье, и если он отказывает себе за бедностью в такой важной душевной потребности, то сколько он должен отказывать себе в прочих жизненных потребностях, менее важных!

Рыболовство в Торжке и его уезде самое незначительное, потому что рыбы в Тверце вообще мало, а хорошей почти нет. В Торжке я видел только два садка, наполненные щуками и другой дешевой рыбой. Сверх того, весной, когда воды много,



же ремеслом. От великого до смешного только один шаг! Летом для работы кирпича они расходятся по всей губернии, разнося с собой разврат и его следствия.

В Торжке бывает в год две ярмарки: крещенская и никитская; первая — с 6 по 12 января, а вторая — с 12 по 18 сентября. Ежегодный привоз простирается на сумму до 50 000 руб. сер.

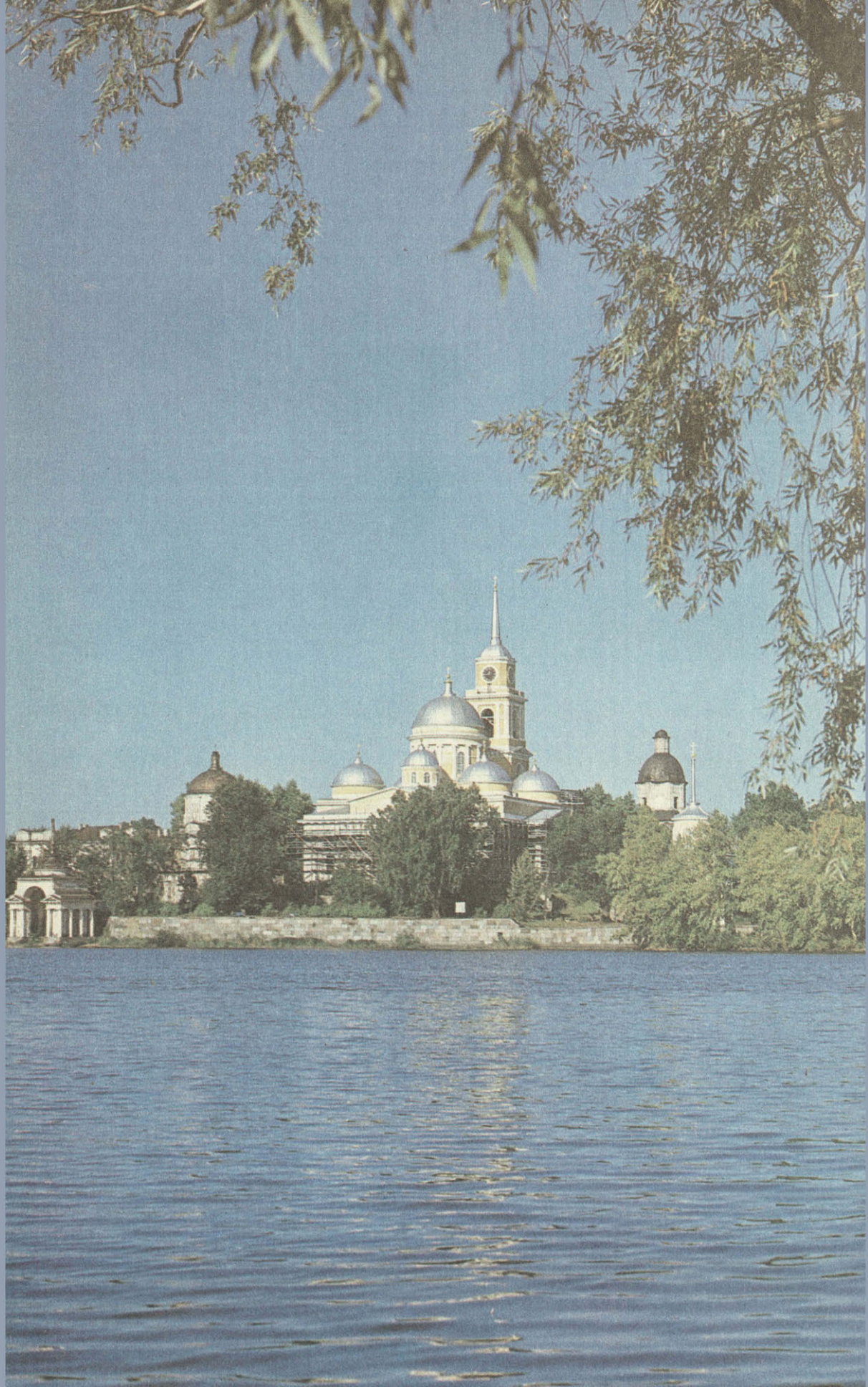
Несмотря на то, что промышленность в Торжке развита значительно, в быте мещан довольства не заметно; значит, и здесь труд дешев и не всем рукам достает работы. Вот что я слышал от одного почтенного старожилы торжковского: «Мещане у нас очень богомольны, но говеют не каждый год, а через год и более, потому что не имеют денег на необходимые при этом расходы». Известно, как не-

мешает ловле постоянный ход судов, а в межень, когда запираются шлюзы, река очень мелеет, и в это время вылавливается и вытравливается вся рыба дочиستا. Хотя отравка или окормка рыбы запрещена законом<sup>12</sup> и виновных, кроме денежного штрафа, велено подвергать церковному покаянию, — но, к сожалению, это баловство водится по всей России, и в Торжке также не без греха. Распространение этого противозаконного способа ловли, по моему мнению, происходит от того, что поймать и уличить виновного почти нет возможности. Долго ли с лодки или с берегу накидать в воду небольших шариков?<sup>13</sup> А когда рыба завертится на

<sup>12</sup> Уложен. о наказаниях, ст. 1142.

<sup>13</sup> Из черного хлеба с кукульваном.







поверхности и все, и правые, и виноватые, кинутся ловить ее, чем ни попало, тогда вину сваливают обыкновенно на проходящих, что «вот, дескать, шли какие-то да чего-то набросали». Я думаю, что было бы очень полезно преследовать как можно строже продажу куколована, которым торгуют почти открыто.

Недолго нужно жить в Торжке, чтобы заметить в обычаях и costume его жителей некоторую разницу против обитателей других городов. Девушки пользуются совершенной свободой; вечером на городском бульваре и по улицам гуляют одни или в сопровождении молодых людей, сидят с ними на лавочках у ворот, и не редкость встретить пару, которая сидит обнявшись и ведет сладкие разговоры, не глядя ни на кого. Почти у каждой девушки есть свой кавалер, который называется предметом. Этот предмет впоследствии времени делается большею частью мужем девушки. В Торжке еще до сей поры существует обычай умыканья невест. Считается особым молодечеством увезти невесту потихоньку, хотя это делается почти всегда с согласия родителей. Молодые на другой день являются с повинной к разгневанным будто бы родителям, и тут уж начинается пир горой. Такой способ добывать себе жен не только не считается предосудительным, но, напротив, пользуется почетом. «Значит, уж очень любит, коли увез потихоньку», — говорят в Торжке. Не иметь предмета считается неприличным для девушки; такая девушка легко может засидеться в девках.

Старинный живописный наряд девушек (шубка или сарафан, кисейные рукава и душегрея, у которой одна пола вышита золотом) начинает выводиться; место его заступает пальто, а вместо повязки с рясками (поднизи из жемчуга) покрывают голову шелковым платочком. Пальто, которые теперь пошли в моду, длинные и узкие, с перехватом на талии; они шьются из шелковой материи ярких цветов и большею частью бывают голубые и розовые. Сжимая грудь, они безобразят фигуру. Образ жизни замужних совершенно противоположен образу жизни девушек; женщины не пользуются никакой свободой и постоянно сидят дома. Ни на бульваре, ни во время вечерних прогулок по улицам вы не встретите ни одной женщины. Когда они выходят из дому по какой-нибудь надобности, то закутываются с головы до ног, а голову покрывают, сверх обыкновенной повязки, большим платком, который завязывают кругом шеи. Богатые кокошники становятся редки.

Новоторжские крестьяне и мелкие городские торговцы ездят по деревням Тверской губернии с женскими наряда-

ми и называются новоторами<sup>14</sup>. Это название присвоено всем торгашам мелкими товарами, хотя бы они были и из других уездов. Новоторы не пользуются в губернии хорошей репутацией; о честности их ходит поговорка: новоторы — в оры...

16 мая, ранним утром, да еще в дождик, приехала за мной подвода на плохих обывательских лошадях, чтобы везти меня к Осташкову. Между Торжком и Осташковым почта не ходит, а есть так



Башня Ниловой  
пустыни

называемый торговый тракт, по которому проезд бывает почти только зимой. Невесело влезал я в полуразвалившуюся телегу; дождик более и более расходился, ямщик мой говорит на каком-то едва понятном наречии<sup>15</sup>, а впереди 130 верст незнакомой, почти необитаемой проселочной дороги, это хоть кого заставит

<sup>14</sup> Товар новоторов: серебряные, медные и оловянные кресты, пуговицы, серьги, кольца, иглы, наперстки, ножницы, ножички, роговые гребни, ситцы, нанки, кумач, китайка, выбойка, коленкор, миткаль, кушаки, платки, плис, позументы, ленточки, шурки, тесемки, бусы, бисер, пояса и прочее.

<sup>15</sup> Об наречиях в Тверской губернии будет особая статья.



призадуматься. И я, вероятно, просидел бы надувшись верст 30, если бы не встреча, которая меня надолго развеселила. У самой гостиницы подошел ко мне господин мрачной наружности, но одетый весьма прилично; придав своему лицу таинственное выражение, он обратился ко мне со следующими словами: «Почтеннейший! хотя на мне и синь кафтан, но кто имеет чувствие, тот подаст».

Первый переезд от Торжка до Рудникова, в 22 версты, я проехал часов шесть. Я не предполагал, чтобы в нескольких верстах от шоссе, в середине России, в 60 верстах от Твери, могла существовать такая глушь! Дорога идет местами совершенно безлюдными, — то заросшими кустарником болотами, то голыми холмами, и все это — и дорога, и болото, и поля — усеяно различной величины камнями, точно несколько дней сряду шел каменный дождь. Телега то и дело прыгает по камням, и поминутно ждешь, что переломится ось либо рассыплется колесо. Поля по холмам и большею частью по выжженному лесу (лядины) возделаны кое-как, потому что камни и корни мешают вспахать и взбороновать порядочно. Здесь я в первый раз видел бороны особого устройства, приспособленные к местности, называемые с мычевыми или с мыком. Устройство ее очень просто: она делается из нескольких еловых плашек, расколотых вдоль и сплошь приколоченных к двум перекладинам так, чтобы сучья были виз; потом сучья обрубают на поларшина и завастривают. Таким образом, зубья у этой бороны не вставные, а натуральные и имеют ту выгоду, что свободно гнутся над камнями и довольно упруги, чтобы разбивать комья.

«Едет он день до вечера, перекусить ему нечего», — говорится в русской сказке про Ивана-царевича; то же случилось и со мной. В Рудникове я полчаса пробегал по деревне, чтобы достать несколько яиц, да и то баба, у которой я купил яйца, не бралась сделать яичницу, а послала меня к живущей на другом конце деревни солдатке, которая, как женщина бывалая, по ее мнению, должна была знать эту премудрость.

В Кузнечикове (другая станция, в 11 верстах от первой) мужиков совсем не оказалось, и десятский — баба. — А где ж ваши мужья? — спросил я у десятского. — «Которы ушли у каматесы (каменотесы), а которы дорогу циня» (чинят), — ответила она. Скучность земли заставляет здешних крестьян отходить на целый год на заработки, иначе им негде достать оброка, а недостаток оборотливости и ловкости, недостаток, без сомнения, условливаемый печальной обстановкой их жизни, запря-

гает их на веки вечные в тяжелую каменотесную работу.

В Качанове (третья станция) нашелся постоянный двор и самовар; но зато не нашлось грамотных. Долго пришлось мне ждать, пока бегали куда-то за версту с моим открытым листом, чтобы узнать, что в нем написано. Но и тот, к кому бегали, оказался плохим чтецом и о содержании открытого листа не мог ничего им сказать наврное.

На 8-й версте за Качановым начинаются горы, называемые «Свиные хребты», в виде длинных узких гряд; они тянутся на несколько верст по одному направлению и представляют большое сходство с хребтами животных. Дорога идет частью параллельно хребтам, по их откосам, но длиннейшее ее протяжение занимает гребень большого хребта, так что от самой дороги по обе стороны начинают скаты. Пять верст наслаждаешься живописным видом с этого гребня. Ребра гор изрезаны оврагами и покрыты лесом, и за лесом тянутся мхи<sup>16</sup>. Профессор Московского университета г. Щуровский проезжал в этом году из Твери в Рыбинск и описал попавшиеся ему на дороге валуны<sup>17</sup>. Очень жаль, что он не был в Новоторжском и Осташковском уездах; здешние эрратические явления гораздо замечательнее тех, которые он видел. Одно уже название «Свиных хребтов» указывает на сходство формы этих гор с «Лощадиными хребтами» в Америке о которых пишет г. Щуровский в своей статье.

Два остальные переезда, от Жилина до Крапивны и от Крапивны до Осташкова, не представляют ничего замечательного; болото, лес — и только. Не доезжая озера, ямщик мой свернул на вышеволицкую дорогу для удобнейшей переправы через Рудинское плесо<sup>18</sup> Селигера, потому что перевозки на почтовых трактах всегда несравненно лучше. Наконец, после утомительного суточного странствования я приехал на берег Селигера. Новые невиданные картины открылись предо мной. На берегу вся увешанная сетями деревня, через пролив Рудинского плеса тянется непрерывная цепь мереж, безгранично протянулось синее озеро с своими островами, вдали колокольни и дома почти утонувшего в воде Осташкова, покрытый дремучим лесом остров Городомля и почти на горизонте окруженные водой белые стены обители Нила преподобного...

<sup>16</sup> Так называются болота.

<sup>17</sup> Эрратические явления. — Русский вестник, кн. 1, 1856, ркт.

<sup>18</sup> Плесами здесь называются заливы Селигера или целые озера, соединенные с Селигером проливами, которые называют реками.



